

НА ДНЯХ я прочитал в газете фразу: ученые считают, что человек никогда не достигнет звезд. И мне сразу стало скучно... Я все-таки думаю, что ни сам человек, ни его механический посланец никогда бы не достигли Луны, если б люди не мечтали о звездах.

Тяга к невероятному способствуется воплощением вероятного в большей степени, чем твердое решение — звезд с неба не хватало.

Мне нравятся поэты, которые ставят перед собой большие задачи. И Евгений Евтушенко относится к поэтам именно этого ряда. Он входил в литературу с ориентацией на самые наглядные вершины нашей поэзии. И чем упорнее он стремился стать больше самого себя, тем отчетливее он становился самим собой. Он тяготеет в первую очередь к острым общественным темам, привлекающим к себе интерес широкого читателя и зрителя. Смело превращает эстраду в трибуну для своих талантливых лирико-публицистических деклараций. С большим артистизмом разрабатывает на деле поэзию жеста, слова и интонации в едином впечатляющем комплексе. Свободно канонизирует в своем активном творчестве рифму частушечную, игровую, скорее в целях раскрепощения и оживления стиха, чем только ради оригинальности. Он стремится сочетать доступность с виртуозностью и, судя по читательскому резонансу, добивается в этом успеха.

Вместе с тем эстрада накладывала на многие его стихи о серьезном печатать несерьезности. Видно, уж такова ее труднооборимая и захватывающая природа. Хуже всего тут подчас приходилось любовной лирике. В пылу благородного срывания покровов с приспособленчества, бюрократизма и т. п. он в ряде случаев так же поступал и с тем, с чего срывать покровов просто нельзя... А ведь у него немало целомудренных, чистосердечных стихотворений о любви. Вообще талант его сердечен и сочувствен.

В творчестве Евгения Евтушенко отразилась большая география его поездок по стране и за рубежом, отразилась взволнованно и разнообразно. Он по складу своего характера поэт быстрых перемен. Иногда мне кажется, что медлительные сдвиги способны заставить его врасплох. Например, возраст. Внезапность сорокалетия.

«Поющая дамба» (издательство «Советский писатель») и «Дорога номер один» (издательство «Современник»), вышедшие в минувшем году, — масштабные книги. Стихи вьетнамского цикла и две поэмы — «Уроки Братска» и «Под кожей статуи Свободы» — произведения опорные для сегодняшнего Евтушенко. О поэме уже писали, давая им в целом положительную оценку, и они этого вполне заслуживают. Я не буду пускаться в подробный разбор названных книг. Меня интересует лирический герой поэта, его состояние после «возрастного рубежа», столь его поразившего, а в чем-то и озадачившего. Потому что именно в нем, в герое, и настоящее, и будущее поэта.

Понятие «лирический герой» часто оспаривается, но что поделать, если поэт лирический — одновременно и «прототип», и «литературный герой».

Из двух книг могла бы получиться одна отличная книга. В «Дороге номер один» есть совершенно проходные стихи, написанные в духе какой-то глобальной альбомности. Например, «Жизнь и смерть» (ни более и ни менее).

Жизнь перед Смертью — как девочка перед женщиной. Девочка Жизнь простодушна. Цинична женщина Смерть. Жизнь по мнению Смерти заражена сентиментальностью. Смерть лишена сентиментов — попробуй умильсись.

И хотя несколько лет тому назад в стихотворении «Эстрада» поэт и восклицал «Какой я Северянин, дураки!», здесь почему-то именно Северянин. И притом у поэта совершенно сложившейся формы.

И чрезвычайно важным для

Поэт и его герой

Заметки о двух новых книгах Евгения Евтушенко

понимания нового этапа в творческом развитии Евгения Евтушенко явилось стихотворение «Слова на ветер» — одно из лучших у него вообще.

Бросаю слова на ветер.
Не жалко. Пусная пропадают.
А люди, как листья, их вертят,
по ним, как по картам, гадают.
И мне придавая значение,
которого, может, не стою,
слова возвышают священной
великой своей доброю.
Но если б девчонка замерзла,
беззвучно шепча мои строки,
вошла бы в меня, как заноза,
не гордость, а боль по сестренке.

Это стихи о том, что даже самые великолепные строки поэта несомненно с человеческой жизнью, стихи о гражданской ответственности слова перед действительностью, о нравственном поведении художника.

Стихотворение написано с предельной сплоченностью чувства, мысли и слова.

А ветер слова отнимает
и тащит на суд и расправу.
А ветер слова поднимает
и дарит им смерть или славу.

А ветер швыряет их с лета
туда, где их ждут, где им
верят, и страшно за каждое слово,
которое бросил на ветер.

Сконцентрированность, откровенная ненарядность характерны для целого ряда новых стихотворений Евтушенко. Счастливая ненамеренность и вместе с тем необходимость таких стихотворений, как «В миг полусени-полузвезды», «Возрастная болезнь», «Прогулка с сыном», «Люди сильны друг другом», главствующих в лирических разделах, создают доверительный читательский контакт со стихами, им сопутствующими, более замкнутыми по жанрам.

Евтушенко любит людей и хорошо о них пишет (Нюшка, Крамер в «Братской ГЭС», Чуковский в стихотворении «Паруса», Хикмет в «Сердце Хикмета»), рисуя портреты с характером, часто в действии. Это весьма ценное свойство.

Стремясь к масштабности, он просто не мог не заселить пространство своей поэзии людьми, с которыми дружил, работал, а то и враждовал. В основном это люди свойств подчеркнутых положительных.

Иногда он неплохо отзывается и о себе. Но об этом ниже.

Что наиболее характерно для его героя, вошедшего в окончательно взрослый возраст? Это открытие в себе цельного человека, как бы созревшего чуть ли не помимо собственной воли, а в силу того, что любой человек не свободен от воздействия времени. Отсюда и более трезвая оценка своей работы, большая требовательность к себе, вообще к человеку. Стремление подкрепить декларацию делом, и немедленно — свидетельством

этому лучшие стихи из новых. «Сорокалетие — строгая пора» — и стихи его действительно стали строже по форме, глубже.

Вместе с тем нынешний, зрелый внутренне герой Евтушенко несет порою на себе по воле автора некоторые инфантильные черты героя прежних лет. В этом легком гриме есть что-то грустно-трогательное, но лучше бы его вовсе не было. Надо быть смелее, не опасаться нового в себе, верить читателю.

Дубли удач поначалу создают впечатление творческого постоянства, а затем — топтания на месте, особенно наглядного у поэтов, пишущих стихи и для чтения их глазами, и для исполнения их с эстрады.

Черты бравирующего юноши не годятся зрелому герою, разрушают образ, в лучшем случае вызывая улыбку, а не досаду.

Можно бы и умерить, ничего страшного, употребление собственного имени в своих стихах, а то уж очень много («До чего ты дожил, Женя», «Спокойно, Женя...», «Какой ты нетерпеливый, Эухенио» и т. д.).

Положительные самооценки типа «громкий поэт на Руси», «на безрыбье Пушкин» также говорят о боязни растаться с небольшим букетом отработанных уже приемов «на публику». В стихотворении «Тихая поэзия» («Юность», № 4, 1972 г.) Евтушенко сердится на неких «тихих» поэтов, очень ругается, называя их «котятками», «фетятами» и «бубенчиками», а стихи их «смирными чистотами», угрожающими эстраде. И заключает это достаточно простодушное стихотворение так:

Не рождена эстрадною
поэзия, фантихой
поэзия, но нет в борьбе
стыда. Поэзия, будь громкой или
тихой — не будь тихоней лживой
никогда!

Я не вижу практической разницы между «эстрадной фантихой» и «смирным чис-

туйей», «оба хуже». И лгать не надо вообще никому, а не только «тихоням». А вот оправдывать эстрадное фантовство чрезвычайным тезисом о том, что «нет в борьбе стыда», — это уже вне литературы.

Мне кажется, что, когда поэт ставит знак равенства между трибуной и эстрадой, он неточен. А ведь именно в тех своих работах, где он смело привлекал эстрадность на службу трибуне, а не наоборот, ему сопутствовала творческая удача.

Режиссер Юрий Любимов пошел именно по этому пути и создал в театре на Таганке действительно блестящий гражданский спектакль «Под кожей статуи Свободы». Спектакль настолько тесно связан с острыми событиями, происходившими или происходящими в сегодняшней Америке, что способен изменяться вместе с событиями, т. е. обновляться в стихах, мизансценах, материале.

Спектакль, поставленный по известной поэме, обнажает и значительность многих стихотворений поэта, привлеченных к участию в действии.

Цикл стихотворений о Вьетнаме, написанный Евгением Евтушенко во время его пребывания в ДРВ, мне представляется одним из лучших достижений поэта в публицистическом жанре. «Долгий дождь», «Вьетнамская самодеятельность», «Убитые дома» написаны с подлинной гражданственностью, с глубоким чувством причастности к судьбе вьетнамского народа.

Есть среди «зарубежных» стихотворений Евтушенко и холодноватые, монотонные, но как только он касается тревожащей его темы человеческого достоинства, возникают сильные стихи, такие, как «Два негра», «Гвайкальский художник», «Бродвейский цыган» («Цыган — это тайна, а вовсе не роль... Бродвей. На душе у меня так погано, когда с отвращением под образ цыгана на сцене подделывается цыган»). «Любовь по-португальски», «Монолог голубого пса...» здесь тоже входят в актив.

Евтушенко стремится в этих книгах к наибольшей естественности и выразительности. И мне просто не хочется останавливаться на стихотворении «От желания к желанью», где герой, молодой американец, решает кардинальный вопрос, что лучше: «выше тела ставить душу» или «над душой ставить тело». Это стихи-попутчики, которые в конце концов от новых стихов Евтушенко все-таки, думаю, отстанут. Вся диалектика роста этого очень талантливого поэта, новые поэмы и лучшие из новых стихотворений, способствуют тому, чтобы популярность его приобрела большую, чем ранее, весомость.

В стихотворении «Поющая дамба» поэт говорит о своем желании что-то новое, свежее и непосредственное перенять у новой юности:

А может быть, это не поздно,
когда над землею так звездно,
и лица спадают с лица
и веет непобедимым
черемуховым, лебединым,
которому нету конца!

Какие тут могут быть сомнения. Не только не поздно, но и самое время.

Владимир СОКОЛОВ.